

РАЗДЕЛ II. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА

УДК 82.0

Н.А. Тархова
(Москва)

Кого бы назначить автором «Евгения Онегина»?

Несколько месяцев назад наши читатели пережили очередной «культурный шок». На прилавках появилась книга: Александр Пушкин. Конек-Горбунок. Русская сказка¹. Первые 40 страниц ее занимает статья, в которой утверждается, что автором сказки «Конек-Горбунок» является не П.П. Ершов, как все знают вот уже скоро двести лет, а вовсе А.С. Пушкин. Что «открытие» принадлежит А.А. Лацису, а В.А. Козаровецкий, автор статьи, поддерживает и пропагандирует его концепцию, смысл которой в том, что сказка написана Пушкиным, но он, по причинам, которые объясняются в статье, опубликовал ее под чужим именем, заплатив студенту Ершову деньги за использование его имени в качестве титульного. А ныне «мистификация» Пушкина раскрыта.

Вступительная статья суммирует все аргументы Лациса-Козаровецкого в пользу данной версии. Заканчивается она «требованием» вернуть «Коньку-Горбунку» имя «истинного» автора – А.С. Пушкина и ввести текст сказки в корпус пушкинских произведений. В статье, напечатанной по этому поводу в «Новой газете» в июне нынешнего года, Козаровецкий предлагает, если ученые не хотят в этом участвовать, решить вопрос, так сказать, голосованием: «создать комиссию», куда бы вошли деятели культуры, литературоведы и пушкинисты, если захотят, а также «представители общественных организаций», и решить (почему-то сразу

«тройки» 1930-х годов вспоминаются). А параллельно готовить к этому решению публику, с широким участием СМИ. «Вернуть» имя Пушкина на титульный лист сказки «Конек-Горбунок» он объявляет «проблемой национальной».

Признаюсь, мне впервые в жизни привелось столкнуться со столь радикальным подходом к решению научной текстологической проблемы (за какую авторы ее выдают). При этом В.А. Козаровецкий обижен на специалистов-филологов, которые в полемику по поводу «Горбунка» не вступают, и видит в том высокомерие и едва ли не заговор ученых. И в каждой своей статье призывает «решить проблему» – любым способом. Кроме единственно возможного: если он в этом убежден, надо аргументированно доказать принадлежность текста сказки Пушкину.

Позиция ученых понятна. Как можно полемизировать с работами, ядро которых составляет не подкрепленная ни единым документом или достоверным фактом, выдуманная история весьма неприглядного свойства (по сути, «сделка» двух русских писателей, ставящая под сомнение их добрые имена). Под пером Лациса и Козаровецкого они оба, и Пушкин, и Ершов, предстают этакими слегка «подонистыми» (прошу прощения за выражение) персонажами, совершающими вполне нечистые (сегодня их назвали бы мошенническими) действия. Пушкин выглядит в этих статьях неким комбинатором (наши авторы постоянно именуют его «мистификатором», совершившим множество этих мистификаций, хотя ни одной не называют), который «надувает» собственную жену, современников и потомков (оставляя, впрочем, для последних некоторые «зарубки» на память, чтоб они о его надувательствах все-таки догадались в будущем). А Ершов в них – бесталаный, нищий, неблагодарный неудачник, но порывающийся все же что-то урвать там, где уже получил однажды и где, якобы, ничего не создавал. Именно этот аспект проблемы заставляет меня вступить в ненаучную полемику со статьей В.А. Козаровецкого.

Вступительная статья книги, изданной В.А. Козаровецким, – своего рода обманка. Она начинается как научная, и в 25 пунктах автор обосновывает сомнения в принадлежности текста сказки «Конек-Горбунок» П.П. Ершову. Вопросов и сомнений так много, что, даже видя их «научную» несостоятельность, невольно любопытствуешь, как вы же будут доказательства авторства Пушкина. Однако сомнениями все и кончается. Обычный метод атрибутивной филологической статьи использован здесь наполовину. Сомнения в известном явлении (в принадлежности сказки П.П. Ершову) высказаны, затем «выдана» гипотеза (сказку сочинил Пушкин), проверять и доказывать которую, т.е. проделывать всю ту работу, что обычно и составляет основную часть всякого настоящего научного исследования и настоящей научной статьи (а филология, что бы ни говорили господа дилетанты, это наука), автор публикации посчитал излишним.

Статья начинается с мощной подготовки читателей к восприятию, согласимся, достаточно шокирующей гипотезы, при этом явно рассчитанной на их наивность и недостаточную осведомленность. Для ее автора очевидно (!), что сказка не могла быть написана 18-летним Ершовым, ведь и *«Пушкин в таком возрасте эту сказку написать не смог бы: стихи 18-летнего Пушкина явно слабее»*², – значит, само собой разумеется, что «Горбунка» мог написать только Пушкин и только в зрелом возрасте (а что Пушкин в 18 лет уже создал две главы «Руслана и Людмилы» и больше 200 стихотворений, из которых десятки входят в антологию, автор статьи, похоже, не знает или надеется, что не знают читатели). – *«Как вообще объяснить этот странный всплеск гениальности, какого не знает история мировой литературы?»*³ – Ой ли! а как же Пушкин, Дельвиг, Лермонтов (можно привести еще имена). – *«Чем объяснить, что все стихи Ершова, кроме сказки, бездарны (ни одной талантливой строки)?»*⁴ – К сожалению, сегодня мало кто может достаточно обоснованно судить о творчестве Ершова в целом. С другой стороны, все знают имена писателей, оставшихся в памяти поколений всего лишь одним произведением: И. Богданович («Душенька»), А.С. Грибоедов («Горе от ума»), Д. Дефо («Приключения Робинзона Крузо»), аббат Прево («Манон Леско»)… Так что все эти «доказательства» не более чем эмоциональное давление на читателей.

Что же касается аргументов, претендующих на большую научность, они обнаруживают недостаточную осведомленность автора (авторов, потому что В. Козаровецкий, в основном, повторяет аргументацию А.А. Лациса, видимо, вполне разделяя ее) в материале, а часто и значительные натяжки и искажения известных фактов.

Нас хотят уверить, что «Горбунок» «вписан в контекст» пушкинского сказочного творчества: *«Как объяснить переключку «Конька-Горбунка» с пушкинскими сказками?»*⁵ – у Ершова переключка только с одной пушкинской сказкой, «О царе Салтане», которая, единственная к тому времени, была напечатана⁶ и послужила юному автору непосредственным толчком к его работе. А использованные в «Горбунке» цитаты из «Салтана» – элементарные заимствования сказочной атрибутики, каких много у Ершова и из других сказок, не только пушкинской. Он использовал в своем произведении больше десятка народных сказочных сюжетов, перемешав их вполне произвольно. Такого соединения нескольких сюжетов в одной сказке в фольклорном произведении быть не могло, а вот в литературной сказке – молодом и весьма популярном жанре русской словесности начала XIX века – оно было вполне допустимо, наряду с использованием сюжетов и вовсе фантастических.

Если бы авторы «концепции» взяли на себя труд прочитать хотя бы одно-два серьезных исследования, посвященных русской литературной сказке, они бы узнали (если уж в текстах сказок двух писателей этого не

увидели), насколько противоположны Пушкин и Ершов в своем восприятии народного творчества и насколько у них не совпадают задачи при сочинении сказок на народные сюжеты⁷. Тогда бы, может, и всей этой заварухи с «национальной проблемой» не было. Но вместо того, чтобы проанализировать очевидное несоответствие в подходе к фольклорному источнику у Пушкина и Ершова, автор статьи «кидает», никак не аргументируя, туманное соображение об общем источнике пушкинских сказок и «Горбунка» – сборнике новелл итальянского писателя XVI в., «Приятные ночи» Страпаролы, который использовал сюжеты народных волшебных сказок. Это для чего? Чтобы «свою образованность показать» или, опять же, подавить ею наивного читателя?⁸

Нельзя не привести несколько примеров намеренного искажения фактов и очевидных натяжек в статье, потому что людей, владеющих материалом, мало, и не все могут уловить то постоянное «смещение смыслов», на котором авторы концепции строят свою аргументацию. Например, в статье категорически утверждается: «ни одна живая душа» не знала о том, что Ершов пишет сказку⁹.

Но вот в воспоминаниях В.В. Григорьева, профессора Петербургского университета и однокурсника Ершова, мы читаем, что Ершов «на скучных лекциях» о древней истории с увлечением писал «свою» сказку (это было в учебную зиму 1833–1834 гг.): «...явился, между прочими <студенческими литературными упражнениями, которые поощрял П.А. Плетнев>, и писанный со скуки на скучных лекциях, неподражаемый по веселости и непринужденности, «Конек-Горбунок»¹⁰.

Друзья Ершова, которые дружили с ним в Петербурге и переписывались позже на протяжении многих лет, А.К. Ярославцов и В.А. Треборн, никогда в его авторстве не сомневались. Треборн вспоминал, что, оставаясь ночевать у Ершова в бытность его в Петербурге, он слушал рассказываемые хозяином сказки, «между прочим, и про Конька-Горбунка». А Ярославцов писал в биографии писателя, что все были обрадованы и заинтересованы сказкой Ершова, но не сильно удивились, потому что склонны были ожидать «необыкновенного» от этого «загадочного» студента¹¹.

Другое утверждение статьи, что Ершов «письменно ни разу не обмолвился» о своем авторстве «Конька-Горбунка», не назвал его «своим» творением, тоже натяжка: в письмах В.А. Треборну он в разные годы рассказывал о готовящихся изданиях сказки, интересовался «грозной» критикой в «Отечественных записках» на издание 1840 года, сожалел, что «Современник» не откликнулся на него ни словом. О выходе четвертого издания сказки сообщал А.К. Ярославцову: «"Конек" мой снова поскакал по всему русскому царству. Счастливый ему путь! Крестный батюшка его, Крашенинников, одел его очень чисто и хвалит крестника напрадалую...». А позже просил рассказать о балете «Конек-Горбунок» Сен-Леона, постав-

ленном на петербургской сцене: «Газетные известия, может быть, удовлетворительны для публики, но не для меня. Родительское сердце хотело бы знать всю подноготную о своем детище...», в другом письме сетовал: «Удастся ли когда-нибудь увидеть мое детище на сцене?»¹².

Одним из решающих аргументов в пользу авторства Пушкина Козаровецкий считает тот факт, что не сохранилось в библиотеках современников изданий «Конька-Горбунка» с дарственными надписями, потому что Ершов не мог дарить книгу, не будучи ее автором. Но, спросим, а какие библиотеки современников Ершова сохранились до двадцатого века? Только части собраний Пушкина (ныне в музее-квартире поэта в Санкт-Петербурге) и Жуковского (ныне в библиотеке Томского университета). Кроме того, известно, что реже всего сохранялись в домашних библиотеках детские книги (а сказка Ершова очень быстро перешла в круг именно детского чтения) и учебники.

В библиотеке Пушкина первое издание «Горбунка» (лето 1834 г.) было. Как ключевое доказательство того, что сказка написана Пушкиным, во вступительной статье приведен анализ А.А. Лацисом самой первой описи библиотеки Пушкина, сделанной зимой 1837 г. Книга Ершова была названа в ней среди нескольких анонимных и псевдонимных изданий, что, по Лацису и Козаровецкому, служит доказательством ее непринадлежности Ершову: «...Пушкин летом 1834 года поставил только что вышедшую сказку на эту полку анонимных и псевдонимных изданий, зная, что автор этой книги – не Ершов... Считаю, что этот аргумент Лациса – решающий»¹³.

Но ведь можно и иначе прочитать опись библиотеки поэта, сделанную для Опеки. Книги, перечисленные в ней рядом с «Коньком-Горбунком», изданные без указания имен авторов, не сохранились в библиотеке Пушкина (естественно, описаний их тоже нет), но это произведения В.И. Даля (Описание моста на Висле..., Спб., 1832; так кратко обозначено название брошюры, посвященной описанию моста через Вислу, построенного во время Польской кампании по проекту Даля), В.М. Строева (Сцены из петербургской жизни, год издания неизвестен), А.О. Корниловича (Андрей Безыменный, Спб., 1832; повесть была написана Корниловичем во время заключения в крепости после восстания декабристов и издана по разрешению Николая I) и И.П. Мятлева (Собрание стихотворений, Спб., одно из изданий 1834 или 1835 гг.). Три из них (кроме повести В.М. Строева, о которой нет данных) принадлежали перу хороших знакомых Пушкина, а две (книги Даля и Мятлева), скорее всего, были ему подарены и вполне могли содержать дарственные надписи: Даль вскоре после выхода брошюры познакомился с Пушкиным и посетил его, а с Мятлевым поэта связывали близкие приятельские отношения. И, возможно, «Горбунок» именно по этому признаку (книга подарена с

дарительной надписью) находился на этой полке. Если принять такую версию, обрушивается один из важнейших «доказательных» тезисов о том, что Ершов свою книгу никому никогда не дарил.

Впрочем, при всем остроумии и оригинальности аргумента Лациса, не лишним может оказаться и простое соображение о том, что опись, сделанная в феврале 1837 г., отражает расстановку книг в последней квартире поэта, куда он переехал в сентябре 1836 г. И, скорее, указывает на некоторый беспорядок в книжном хозяйстве поэта, ведь расписание его жизни в последние месяцы совсем не оставляло времени, чтобы заняться книгами. Тем более что с лета 1834 года он дважды менял квартиру и дважды переезжал летом на дачу, каждый раз тревожа свою библиотеку. Так что навряд ли этот аргумент может быть «решающим».

И так обстоит дело со всеми «сомнениями-доказательствами» авторства Пушкина в статье Козаровецкого – простым обращением к реальным фактам жизни обоих писателей, к текстам документов и деталям упоминаемых событий они рассыпаются.

Надо сказать, автору «Конька-Горбунка» в статье очень не повезло: достаточно симпатичная личность этого человека и его вполне достойная уважения жизнь приобрели под пером авторов «концепции» черты не просто сомнительные, но порою даже отталкивающие. Вот пример, в котором Ершов, по их милости, оказывается стяжателем и нарушителем договора. Он, по версии авторов, получил от Пушкина 500 рублей за публикацию под своим именем в журнале «Библиотека для чтения» первой части «Горбунка». Но спустя несколько лет, как излагает нам В.А. Козаровецкий идею Лациса, Ершов решил получить еще. В сентябре 1840 г. (тут Козаровецкий ошибочно ставит 1841 год) он просил своего друга Треборна потребовать от редактора «Библиотеки» О.И. Сенковского еще деньги, якобы недополученные при публикации сказки в журнале, на что Сенковский грубо отреагировал: «Ничего не следовало получить и не будет следовать». Его ответ процитирован в статье как доказательство того, что Ершов сделал попытку «выцыганить» еще какие-то деньги сверх полученного в 1834 году¹⁴.

А из писем Ершова от начала сентября 1840 г. и позже следует совсем другое. Он просит друга получить гонорар (600 рублей) за напечатанные «в последний год» в журнале стихи (когда и какие в письме не сказано, но при желании можно просмотреть номера «Библиотеки для чтения», что и следовало бы сделать авторам, готовя статью с подобными обвинениями). И Сенковский поначалу (то ли не разобравшись, то ли из жадности) платить не захотел, но через некоторое время попросил Треборна прислать список напечатанных стихотворений и номера журналов с их публикациями; следовательно, все-таки заплатил¹⁵. С такой подачей материалов можно полемизировать?

Биография Ершова в этом опусе изложена так, что он предстает мошенником, всю жизнь заматающим следы юношеского преступления. По версии автора статьи, он покинул Петербург летом 1836 г. под давлением лиц, принимавших, якобы, участие в пушкинской «мистификации» (т.е. Плетнева, Смирдина, Никитенко и Сенковского), которые боялись разоблачения со стороны «недалекого» Ершова и настояли на его отъезде (высказывается даже предположение, ничем опять же не подкрепленное, что место учителя в тобольской гимназии он получил по протекции одного из них). Хотя из биографии писателя известно, что еще с университетских лет он был в приятельских отношениях с К.И. Тимковским, внуком исследователя Аляски и Алеутских островов Г.И. Шелихова, с ним вместе задумал просветительскую программу изучения Сибири, помощи ее народам. Летом 1836 г. он оставил Петербург и отправился в Тобольск, чтобы эту юношескую программу осуществить, там работать, издавать журнал. Вся деятельность Ершова, педагога и просветителя, в статье смазана, акцент сделан на том, что он уничтожил в Сибири свои дневники, письма, рукописи, переписывал «Горбунка», исправляя первоначальный текст, – и все это якобы затем, чтобы вытравить следы участия в создании сказки Пушкина¹⁶. После статьи Козаровецкого у человека несведущего останется о П.П. Ершове впечатление самое жалкое и нелюбезное.

С Пушкиным автор статьи разделался еще круче. На вопрос – зачем Пушкину нужна была эта «мистификация», у него два ответа. Первый – нужны были деньги, но особые, тайные от Натальи Николаевны, на карманные, так сказать, расходы (и он их якобы получил, издав под чужим именем «Конька-Горбунка» за 25–30 тысяч рублей)¹⁷. Поэту действительно летом 1834 года остро были нужны деньги, но не на карманные расходы, а чтобы уплатить проценты за два заложенных имущества – отцовское и свое – и тем избежать ареста на имущество (оба имущества в том году начинали описывать за долги). Так что, если бы гонорар за «Горбунка» действительно был, он бы решил эту проблему.

Но никакие соображения и свидетельства того, что поэту не нужны были «карманные», тайные от жены деньги, потому что финансами в семье Пушкин всегда распоряжался сам, что жена получала от него только необходимые суммы для ведения хозяйства, что на туалеты Н.Н., и позже ее сестер, тратилась тетка Е.И. Загряжская, что финансовая жизнь Пушкина в 1834 г. хорошо документирована (известны все полученные за год суммы, траты, долги – «безумный» гонорар за сказку никак не вписывается в эту картину), не влияют на концепцию наших авторов (хотя стоит лишь почитать Летопись жизни Пушкина или одну из статей, посвященную специально этому вопросу, чтобы многое прояснить). Кроме того, Пушкин никогда, ни за одну свою книгу, не получал такой огромной суммы, какую начислил ему за «Горбунка», по неведомым источникам, автор статьи: за полного «Онегина» (1833 г.) он получил от 10 до 12 ты-

сяч, за «Бориса Годунова» (1831 г.) примерно 10 тысяч, за «Повести Белкина» (1831 г.) меньше 5 тысяч рублей¹⁸. Но авторы концепции не удосужились поинтересоваться этой стороной дела.

Вторая причина мистификации, по мнению авторов концепции, кроется в содержании сказки. Они усмотрели в ней два крамольных места: фигура царского Стольника трактуется ими как пародия на А.Х. Бенкендорфа, шефа жандармов, а в «державном ките», проглотившем 30 кораблей, – содержится якобы намек на царя, упрятавшего декабристов в Сибирь. Они сочли, что Пушкин с подобной крамоллой к высочайшему цензору толкнуться никак не мог, опасно ведь и боязно. Поэтому он соблазнил бедного студента Ершова немалыми для того деньгами (500 рублей), подставил молодого собрата, вовлек в дело еще четверых, в том числе и друга П.А. Плетнева, и напечатал сказку под чужим именем (а сам «зарубки» оставил, чтоб догадались когда-нибудь, какой он умный и ловкий).

При этом совершенно игнорируются реальные факты жизни Пушкина, широко известные и связанные с судьбою декабристов. О том, что Пушкин уничтожил во время следствия над декабристами свои «Автобиографические записки» (чтобы не повредить лицам, в них упоминаемым), а он ведь над ними работал несколько лет, с 1821 года, и об утрате их всегда жалел¹⁹. Он написал в декабре 1827 г. и напечатал стихотворение «Стансы», первым публично воззвал к царю о милосердии к сосланным декабристам, и это всего через полтора года после восстания²⁰. Он подал на высочайшую цензуру стихотворение «19 октября», не убрав из рукописи имен пострадавших после восстания Пущина и Кюхельбекера (и лишь «по совету» шефа жандармов снял их из печатного текста)²¹. Он опубликовал «Пир Петра Первого», где осуждал мелкие послабления в участи ссыльных декабристов, объявленные царем, в то время как все ждали от него полной им амнистии (и современники точно угадали смысл стихотворения)²². Он издавал в 1835 и 1836 гг. сочинения Кюхельбекера, сидящего в крепости, и не боялся напрямую обращаться за разрешением на то к самому царю²³.

Что рядом со всем этим рыба-кит, как не один из случайных сказочных образов, которому придан в статье вполне конъюнктурный советский смысл²⁴. Ведь Ершов так и писал свою сказку, собирая воедино множество сказочных сюжетов, чего, кстати, никогда не делал Пушкин (К.М. Азадовский в статье о «Коньке-Горбунке» назвал сказку Ершова «попури на сказочные темы»). Ну какая полемика тут возможна, если автор(ы) или ничего этого не знают, или знать не желают, вполне удовлетворенные своей фантастической концепцией?

У меня нет ни малейшей иллюзии на тот счет, что эта статья хотя бы на время приостановит рвение В.А. Козаровецкого, и он сядет за стол и прочитает несколько хороших книг о Пушкине, о Ершове и его сказке, которые хотя бы помогут ему разобраться, с какими материала-

ми он имеет дело. Судя по его реакции на замечания, он не воспринимает иных мнений. Так он и будет слепо следовать за работами А.А. Лациса, не потрудившись проверить самостоятельно ни единого их положения.

Когда-то я пыталась указать ему на самые очевидные фактические ошибки (но он их все повторил в своей статье); в числе прочего отметила, что пушкинский «автопортрет в облике лошади», который объявлен ими изображением Конька-горбунка и вынесен на книжную обложку, появился за девять лет (!) до сказки Ершова в черновиках элегии «Андрей Шень»²⁵. Он этого не знал, но быстро нашелся. И в статье объяснил, что Пушкин, сочинив «Горбунка» и издав его под чужим именем, «подрисовал» в старую рукопись этот портрет, чтобы оставить все ту же пресловутую «зарубку» для будущего (ни посмотреть рукопись, ни хотя бы познакомиться с ее описанием автор статьи, конечно же, не удосужился). «Плутоватый» и «подловатый» Пушкин сочинений Лациса и Козаровецкого вполне мог это сделать. А Пушкин реальный, в своих настоящих поступках и правилах, нашим исследователям, похоже, вовсе персонаж посторонний.

И еще одно замечание. Совершенно невероятными, невозможными, с точки зрения текстологии, представляются манипуляции с текстом «Конька-Горбунка» 1856 года издания, якобы «восстанавливающие» исконный пушкинский текст (некоторые строчки сказки, по выбору Козаровецкого, объявляются пушкинскими, другие отвергаются, как ершовские). В этом, быть может, всего очевиднее обнаруживается искусственность всей проблемы, произвол и непрофессиональность подхода к ее «решению». Существует понятие последней авторской воли: если избратели концепции убеждены в авторстве Пушкина, они должны ратовать за издание «Горбунка» в редакции 1834 года, если автор Ершов – печатать надо по последнему прижизненному изданию 1868 года (которое повторяло текст 1856 г.). Все остальные варианты – выдумка и произвол, а в нашем случае еще и полная самодеятельность.

Работы Лациса-Козаровецкого, к сожалению, прочно встают в ряд тех писаний последних лет о Пушкине, в которых он мало кого интересует как поэт, мыслитель, выдающаяся историческая личность. В них он предстает то придурком, сам себе посылающим диплом ордена рога носцев, то сексуально озабоченным извращенцем, не изжившим к 37 годам юношеские комплексы, то скрытым «шифровальщиком», всю жизнь прячущим истинный смысл своих произведений от читателей. С такими писаниями полемизировать нельзя, их можно либо не читать (но кто может удержаться, когда про Пушкина такое!), либо не издавать (но у нас ведь свобода слова, да и стоит это в денежных знаках дороже, чем «просто Пушкин!»).

Боюсь, что смысл «национальной проблемы», в контексте сказанного, совсем другой, нежели авторство сказки «Конек-Горбунок». Готов-

ность многих людей (к сожалению, очень многих!) участвовать в том, чтобы донести до читателя всякие несурзные выдумки и тем придать гнилой и сомнительный вид значительным явлениям нашей истории и культуры (ведь проблема, в целом, касается не только Пушкина и Ершова) – вот что заставляет с глубокой грустью думать о нашей «национальной проблеме».

Построения Лациса-Козаровецкого опираются на свидетельство А.Ф. Смирдина об участии Пушкина в издании сказки Ершова, записанное в свое время П.В. Анненковым: «В апогее своей славы Пушкин с живым одобрением встретил известную русскую сказку г-на Ершова «Конек-горбунок», теперь забытую. Первые четыре стиха этой сказки, по свидетельству г-на Смирдина, принадлежат Пушкину, удостоившего ее тщательного пересмотра»²⁶. А также на упоминание в «Описи бумаг А.Ф. Смирдина» автографа Пушкина: «Заглавие и посвящение «Конька-горбунка», погибшего вместе с большей частью архива издателя»²⁷. Никаких других фактов причастности Пушкина к изданию сказки Ершова неизвестно. Все остальное, так подробно описанное в статье Козаровецкого²⁸, – выдумка, основанная на фантазии и литературной игре А.А. Лациса.

Закончить хочу вот каким соображением. А.А. Лацис, несомненно, литературно одаренный человек, придумывая всю эту историю о пушкинской «мистификации» с «Коньком-Горбунком», подбирая и подтасовывая факты, давая им сомнительную интерпретацию, искажая смысл документов и облик исторических событий и лиц, оставался все же в пределах затейливой им литературной игры. Свое сочинение он облек в формы условного жанра, назвав его «Пушкиноведческим детективом», тем самым допуская и фантазию, и смещение смысла, и отклонение от реальных фактов (даже клевета на исторических лиц, придание им этически неблагоприятных черт, по сегодняшним литературным меркам, в этих рамках допустимы). Гипотеза, высказанная им, не воспринимается не только как научная, она вообще всерьез не воспринимается, оставляя лишь чувство удивления от того, как ловко можно смешать явления, жизнью разведенные очень далеко. И автор в своей литературной игре, похоже, ни на что другое, кроме читательского изумления, особо и не рассчитывал.

Тем более странной представляется деятельность В.А. Козаровецкого, принявшего «игру» Лациса всерьез, на веру, к исполнению, но не потрудившегося при этом проверить хотя бы факты, изложенные в этом «Пушкиноведческом детективе». Вот уже который год он пишет статьи, ведет сайт в Интернете, выступает на телевидении, издает, наконец, произведение одного писателя под именем другого, вызывая оторопь читающей публики, взывает к парламенту, ученым. И сколько же еще сил и времени (своего и чужого) собирается он вложить в эту грандиозную, но

сомнительную по смыслу, пиар-кампанию с использованием имен Пушкина и Ершова, обреченность которой, тем не менее, очевидна?

¹ Александр Пушкин. Конек-Горбунок. Русская сказка / Вступит. ст. и подготовка текста Владимира Козаровецкого. М., 2009. (в дальнейшем – Конек-Горбунок).

^{2,3,4} Конек-Горбунок. С. 6–7, 8, 9.

⁵ Конек-Горбунок. С. 9–10.

⁶ В кн.: Стихотворения Александра Пушкина. Ч. 3. СПб., 1831. С. 130–181.

⁷ Пушкин, при обращении к сказке, всегда стремился сохранить сюжетную оригинальность произведения, которое перерабатывал; Ершов обращался с народными образцами абсолютно произвольно, объединяя в «Горбунке» много обособленных разнородных сюжетов. Его биографы писали, что любимой мечтой автора «Горбунка» было желание написать сказку об Иване-Царевиче, объединив в ней все (!) известные сюжеты о нем: «Я думаю из всех русских сказок составить одну, в роде поэмы, где главным героем будет Иван-Царевич» (А.К. Ярославцов. П.П. Ершов, автор сказки «Конек-Горбунок». СПб., 1872. С. 21; в дальнейшем – Ярославцов).

⁸ Конек-Горбунок. С. 9.

⁹ Конек-Горбунок. С. 7.

¹⁰ Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. 90.

¹¹ Ярославцов. С. 14, 15.

¹² Конек-Горбунок. С. 16 (здесь автор статьи делает оговорку: не обмолвился «во всяком случае при жизни Пушкина», но известно, что Ершов жил в Петербурге, где и Пушкин, почти до осени 1836 г., Пушкин погиб в январе 1837 г., письма из Сибири от Ершова стали приходить в Петербург только осенью 1838 г., а до того вообще никаких его писем не сохранилось, так что же это за аргументация?); Ярославцов. С. 58–60, 155, 186.

¹³ Конек-Горбунок. С. 18–19; А.А. Лацис. Верните лошадь. Пушкиноведческий детектив. М.: Моск. учебники и картография, 2003. С. 108–112.

¹⁴ Конек-Горбунок. С. 17.

¹⁵ Ярославцов. С. 77–80.

¹⁶ Конек-Горбунок. С. 22–30.

¹⁷ Конек-Горбунок. С. 13.

¹⁸ Ник. Смирнов-Сокольский Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1962. С. 256, 278, 311–312, 333–338.

¹⁹ Левкович Я.Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л.: Наука, 1988. С. 79–82.

²⁰ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. В 4-х тт. / сост. М.А. Цявловский и Н.А. Тархова. М.: Слово/Slovo, 1999. Т. 2. С. 218, 340 (в дальнейшем – Летопись); Московский Вестник. 1828. Ч. 7. № 1. С. 3–4.

²¹ Летопись. Т. 2. С. 247.

²² Летопись. Т. 4. С. 366, 424, 426.

²³ Летопись. Т. 3. С. 476, 477; Т. 4. С. 303, 309, 502, 504, 540, 543.

²⁴ Настаивая на особой смысловой нагрузке образа рыбы-кита, Лацис писал: «Остается признать очевидное. Никакие власти не разрешили бы прославленному певцу вольности обнародовать его сокровенные думы» (А. Лацис. Верните лошадь. С. 115), а Козаровецкий добавляет: «И практически открытый призыв к царю выпустить декабристов» (Конек-Горбунок. С. 24). Как мы уже показали, такой «открытый призыв» Пушкин опубликовал в 1828 г. в стихотворении «Стансы», задолго до «Горбунка». Но в таком их подходе к тексту и его интерпретации поражает еще зацикленность наших авторов: значит, рыба-кит – это нечто крамольное, принадлежащее к «сокровенным думам», а, скажем, напечатанный «Борис Годунов» или «Анджело», это что, не сокровенное?

²⁵ РО ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), ПД № 835, л. 60 об.; Летопись. Т. 2. С. 29; Р.Г. Жуйкова. Портретные рисунки Пушкина. Каталог атрибуций. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 51.

²⁶ Анненков П.В. [Материалы для биографии А.С. Пушкина] / Сочинения Пушкина / Изд. П.В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 1. С. 166.

²⁷ Толстяков А.П. Пушкин и «Конек-горбунок» Ершова / Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л., 1982. С. 35.

²⁸ Конек-Горбунок. С. 25–41.

УДК 82.0

Г.А. Шпилевая
(Воронеж)

Пушкин и Некрасов об авантюрном романе

Авантюрный сюжет, как известно, является одним из древнейших в мировой литературе. Приключения, опасные путешествия, аферы, интриги, похищения, «чудесные» встречи всегда волновали читателя, делали книгу занимательной и интригующей. Путешествия Одиссея, приключения героев античных романов, русская авантюрная повесть заставляли читателя переживать за судьбы любимых персонажей.

А.С. Пушкин также не пренебрегал авантурными сюжетами и даже намеревался написать настоящий приключенческий роман «Русский Пелам». Этот замысел, к величайшему сожалению потомков, не был осуществлен, но с помощью указанного произведения Пушкин, по словам В.Ф. Перверзева, «готовился дать отпор “Русскому Жильблазу”, создать взамен неотесанного нравственно-сатирического романа болгаринской мерки достойный высококультурного, эстетически развитого читателя живописательный роман»¹.

В.Г. Белинский был солидарен с Пушкиным в критике многочисленных романов «болгаринской мерки». Можно предположить, что если

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

КАФЕДРА ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Эйхенбаумовские чтения – 7

Материалы научной конференции

ВЫПУСК 7

Издается с 1996 года

ВОРОНЕЖ
Воронежский госпедуниверситет
2011